

Ева
ЛИСИНА

Рия

Новелла

Известная чувашская писательница Лисина Ева Николаевна отметила в июле свое 70-летие.

Творчество Евы Лисиной любимо не только чувашскими читателями. Ее книга «Хупах х=лха Илюк» (Лопоухий Илюк) стала лауреатом Всесоюзного конкурса на лучшую детскую книгу (1987). Рассказы из тоненькой книжицы «Хле крес умӓн» (Предзимье) при жизни автора стали хрестоматийными. Особый успех выпал на долю рассказа из этой книги «Кусок хлеба» — он получил первую премию в конкурсе радиостанции «Немецкая волна» (1990).

В последние годы Ева Лисина переводила на чувашский язык Библию. Ее кропотливый труд изо дня в день в течение семнадцати лет позволит полному тексту Священного Писания зазвучать на чувашском языке. Редакция «ЛИКа» поздравляет Еву Николаевну с юбилеем, желает здоровья, радости творчества, всяческого благополучия. И надеется, что на страницах нашего журнала увидят свет ее новые произведения.

Арсений Маров — чувашский писатель — добрался до маленького городка на море ровно в полдень. Он оказался здесь совершенно случайно. С другой стороны, так ли уж случайно? Разве не рвался он в эту поездку, рвался отчаянно? Разве не казалось ему, что он должен уехать, да поскорее, да подальше, иначе случится непоправимое?

Еще вчера он был в Чебоксарах. Было утро, он стоял, смотрел в окно. Лил проливной дождь. Еще только сентябрь, а погода напоминала глубокую осень — тепло одетые люди прикрылись зонтами. Да, Арсен стоял у окна и смотрел на серую стену дождя, а на душе у него было солнечно, радостно: казалось, он сегодня непременно закончит рассказ, который ему долго не удавался.

Уже было вошел в рабочую колею, вот попьет чай и уединится в своей комнате... «Чем торчать у окна, сходил бы лучше в магазин!» — сказала вдруг жена. «Нет, это невыносимо, — разозлился Арсен. — Как можно прожить вместе столько лет и не научиться понимать друг-друга?! Человек не может просто так смотреть в окно, он никогда не смотрит в окно просто так!» Но скажешь слово — начнется скандал, а сейчас, когда он начал подбирать и взвешивать каждое слово, хотелось во что бы то ни стало удержать это зыбкое равновесие, сохранить едва ощутимую нить, связывающую его с рассказом. Был бы дома сын — все же Бог иногда жалеет нас: даже от нелюбимой жены может родиться ребенок, похожий на солнечный луч. Верно, нельзя пожалеть человека сильнее! — Арсен бы поговорил, поиграл

с ним и смог как-то защититься, успокоиться, но мальчика уже отвели в садик. И Арсен, не сказав ни слова, вышел на улицу.

Хорошо, что дождь холодный. Очень хорошо. Прекрасно. А если б он был со снегом, с градом, было бы еще лучше. Но все равно невозможно целый день слоняться по улицам. В конце концов Арсен забрел в Союз писателей. Радости, конечно, не было, но все же он не дал угаснуть утреннему порыву, какая-то искорка по-прежнему согревала сердце.

В коридоре Арсен встретил председателя фонда, призванного помогать писателям жить и творить.

Искорка внутри вмиг полыхнула.

— Послушай, — остановил его Арсен. — Скажи, я хороший писатель?

Тот похлопал глазами.

— Как сказать... Слог у тебя хороший...

— Слог... язык... Всяк, кто за ручку взялся, должен хорошим языком писать. Ты скажи как на духу: я сочиняю или правду пишу?

Председатель задумался: вероятно, вспоминал книги Марова. Потом ответил со смешком:

— Ты же только о любви и пишешь...

— «Только о любви»?! Ты знаешь, что весь мир, вся жизнь держится на любви? Небо, земля, человек — никто и ничто не может без любви. Только смерти не нужна любовь. На то она и смерть, то есть конец. Ты знаешь: Бог от любви создал мир! Раньше я думал, что Бог больше всего любит человека. Нет, он даже дождинку любит наравне с нами. Сейчас времена изменились, и все стали писать по-иному, чем раньше. А я, дружище, пишу не по-старому и не по-новому. Я пишу как всегда — как умею, как знаю, пишу про любовь, значит, про жизнь. Понял?

— К черту такую жизнь! Уже и тихони норовят свой нрав показать! Чего раскричался? Хороший ты писатель, хороший — сам знаешь!

— Знаю! — подтвердил «тихоня» Арсений Маров. — Ты пойми: наша литература может остаться без этого хорошего писателя. Отправь меня куда-нибудь, иначе умру.

— Езжай вон в Дом творчества, в Кувшинку. Сейчас свободных мест полно.

— Мне Кувшинка не нужна. Мне надо куда-нибудь подальше, на край земли, к черту на рога!

Последние слова оказались опасными, они потянули за собой другие, в памяти Арсена промелькнула строка «Они жили в королевстве у края земли». «Боже мой, — подумал Арсен, — какие печальные слова!» Он уже готов был привычно погрузиться в бесконечную печаль, но председатель Литфонда, с недоумением взглянув на него, казалось, что-то обдумывал.

— Зайдем ко мне, — сказал он вдруг решительно, — тут один хотел отказаться от поездки, может, на твое счастье, будет «горящая» путевка.

— Вот, вот! Это то, что мне надо! — очнулся Арсен. — Что-нибудь эдакое: горящее-сгоревшее-обуглившееся!..

Председатель позвонил одному заслуженному-презаслуженному писателю, потом щедрым жестом вынул из ящика стола путевку:

— Держи — Черное море, Пицунда! Только придется похлопотать о билетах, как уж там нынче с ними...

Свобода — чудесная, сулящая надежду — закружила Арсена. В таких случаях все получается словно само собой, без усилий: он носился словно на крыльях, в момент решил все проблемы. И из дома можно было уехать тихо-мирно, но жена, узнав о путевке, буквально остолбенела: она привыкла, что все в жизни происходит по ее указке, и сейчас, похоже, восприняла эту новость как насмешку, как поражение, даже не раскричалась привычно, а побледнела, забормотала: «Как же так, почему я не знаю? Это еще надо проверить!» Но на одних проверках жизнь не построишь. Арсен промолчал и на этот раз. Да и что задираться, коли и сам не без вины? Он знает, чего не хватает жене — его любви. Постоянная раздражительность, попытки любыми силами добиться внимания мужа означают только одно — отсутствие счастья. Но чтобы сделать счастливым другого, нужно самому быть счастливым...

Он выехал подавленный, но мало-помалу успокоился, а оставшись наедине со своими мыслями, приступил к излюбленному занятию — откровенному разговору с самим собой. В такие моменты зрение, как бы обращенное внутрь, выбирает только самое главное, а разум — сопоставляет, анализирует. Рассеивается все мелочное, ненужное, и, даже если ты грешен, становишься словно бы без греха, потому что суть человеческая, освобожденная от всего наносного, изначально чиста. Таким вот «очистившимся» остановился он у Дома творчества в Пицунде.

Вокруг — густая и нежная зелень, буйно разросшаяся под щедрым солнцем. Оказывается, даже дерево может вызвать тревогу — мимо незнакомого дерева, усыпанного крупными пунцовыми цветами, Арсен прошел с какой-то опаской.

Жарко. Вокруг ни души. По-видимому, все поспешили попрятаться в тени. То ли из-за тишины, Арсена охватило странное ощущение, будто мир только что сотворен, в нем пока только небо, солнце, море, деревья, травы и вот-вот появится человек. Арсен вздрогнул, словно желая отмахнуться от наваждения, торопливо поднялся по белокаменным ступенькам, зашел в огромный вестибюль. Там его встретила дежурная — приветливая абхазка, напоминающая наливное яблоко. Она взяла его путевку, вручила ключи от комнаты.

В здании прохладно: створки окон распахнуты настежь, и обычно невидимый воздух, превратившись в благодостный сквозняк, стал не только осязаемым, но и словно видимым глазу. В просторном холле резвятся дети ветра: по углам устроили кучу малу, колышут оконные шторы, теребят листья растений в огромных кадках, мечутся между креслами, играя в прятки. Дети ветра — как обычная ребятня, хотят

все узнать, увидеть. Вот они закружили вокруг Арсена, тесня на лету друг друга, словно решили проследить, куда он направляется.

С верхнего этажа слышались легкие шаги: кто-то спускался. «Этот дитя человеческое идет поиграть с вами», — шепнул Арсен детям ветра. Он уже было поднялся на третий этаж, оставалось только повернуть в коридор, но задержался: ему захотелось увидеть девочку, бежавшую поиграть с ветром (конечно, девочка, кто еще может сбегать так стремительно?) Но оказалось, что это не девочка: спускалась молодая женщина в белом платье. Она была еще далеко, Арсен не мог увидеть ее лица, фигуры, но узнал...

Встреча была словно молния, пронзившая его насквозь.

— Рия?!

— Мы знакомы? — женщина на мгновение замедлила шаг, улыбнулась удивленно.

Душно... Словно испугавшись — «Мы видели, в человека попала молния!» — дети ветра умчались прочь от него.

— Кажется... Да нет... — пробормотал Арсен.

Потом он долго возился с ключами — руки дрожали, дверь в комнату не открывалась. Пустующие номера, видимо, не проветриваются, здесь не просто душно — воздух раскален. Но человек не догадался открыть окно, сейчас он остерегался даже мебели, которая стояла в номере. Прежде чем сесть на стул, коснулся его рукой, словно хотел убедиться, что это не стекло, не разобьется. Застонал...

«Мы знакомы?..» Еще бы он не узнал свою жену, первую жену, которую любил до безумия...

Семь лет назад Арсен неожиданно для себя женился. Впрочем, если быть точным, он тогда как раз задумал жениться на одной девушке из танцевального ансамбля: красивая, приветливая, чего еще надо? Сверстники давно переженались, один Арсен в холостяках ходит, вечно ему что-то не так, все чего-то ищет, но пора закругляться, обзаводиться семьей и жить как люди. Вот он и собрался в деревню, к отцу с матерью — сказать им о свадьбе.

На автобусной станции в Батыреве он встретил бывшего одноклассника Бориса Авдеева, друга из соседней деревни. Друзья обнялись. Борис — известный медик, учился в Москве, там же и остался. Оказывается, он приехал на родину в отпуск. Борис пригласил Арсена к себе, тот с радостью согласился.

Шли огородами. «Пока не забыл, заскочу на минутку к соседям, а ты иди, видишь, у колодца моя сестренка, — сказал Борис. — Рия! Встречай гостя!» — крикнул он сестре...

Что только не хранится в нашей памяти! Казалось бы, мы давным-давно все забыли, но в нужный момент, в свой час занавес памяти словно приоткрывается и перед глазами возникает давно прошедшее. Арсен будто воочию увидел, как лет восемь — девять назад он оказался в этой деревне, возле этого дома: зеленая улица, теплый воздух, старая изгородь и возле нее — цветущие кусты шиповника. Арсену шестна-

дцать лет — пора, когда приходят грезы о любви, пора, когда по земле не ходят, а парят над ней. Цветущий шиповник почему-то напомнил Арсену стихи Блока. Ранящая душу нежность, которую не высказать, не объяснить, слова, облекающие в форму безотчетные мечты, скрытые до этого в потаенной глубине сердца. Безоглядная уверенность, что на свете есть счастье. И осознание, что оно хрупкое, очень хрупкое. Тогда возле куста шиповника стояли три девочки. «Та, что ниже всех росточком — моя сестра», — сказал Борис. Парень, весь в плену шиповника-стиха, так пронзительно сходного с обуревающими его чувствами, едва взглянул на девочку, сказал из приличия: «Бойкая, должно быть, девчущечка, к тому же симпатяга». (Какая уж там симпатичная, для Арсена все они были от горшка два вершка, им еще прыгать и прыгать через скакалку!) «Пусть подрастет, тогда выдадим за тебя замуж», — пошутил Борис, а девочка — русоголовая растрепанная — моментально отвернулась и опустила голову. Парни рассмеялись, зашагали дальше. Но Арсену показалось, что чей-то взгляд сверлит его спину, он обернулся — это была та девочка.

С тех пор он не был в этом доме.

«И чего смеялся, дурак?» — думал сейчас Арсен, вышагивая вдоль огорода. Теперь смеется она — повзрослевшая, похорошевшая. Как она стоит! Словно весь мир принадлежит ей! И теплый ветерок, и отяжелевшие подсолнухи (нет, пусть сегодня их название звучит по-старинному — солнечный огонь!), все, что растет на земле, под землей, свисает с тонюсеньких стеблей и могучих веток, голоса домашней живности, птиц — все ее. Набрала ведро воды, захочет — напоит, не захочет — хоть умри от жажды. Трепетно, сладостно сжимается сердце, с упоением предчувствуя счастье, навеянное шиповником, и тут же тоскливо замирает, представив вдруг, что ему не суждено сбыться. Если бы девушка спросила: «Почему ты тогда смеялся? Почему провожал других? Почему слова, предназначенные только мне, шептал другим?», Арсен бы ответил: «Я не знал тебя. Я не видел тебя. Я был слепой». Он шел и шел, перешагивая через картофельные грядки, и вот наконец добрался до колодца. Стоит перед ним дочь человеческая, которая когда-то была маленькой девочкой. А сейчас... «Ради нее я готов сражаться с мечом в руках!» — забилося на древний лад мужское сердце.

— Красавица, дай попить? — попросил мужчина двадцатого века.

— Пейте, — просто ответила девушка. Арсен пил долго.

— Рия, — сказал он и словно почувствовал ее имя на вкус — это был запах цветов шиповника, который донес ветер. — Рия, оказывается, ты меня забыла?

— Не забыла.

— Тогда скажи, шиповник еще растет?

— Растет.

«Растет...» Это даровано богом! Живет — белый свет. Живет — Рия. Живет — мечта Арсена. Он взглянул девушке в глаза, и там, даже не в глубине, а совсем близко, рядом увидел свое будущее. Не раздумыв-

вая, но зная, что поступает единственно верно, он свободно и радостно бросился в это будущее.

— Рия, я пришел свататься...

Вместо какого слова она вздохнула? Какие неведомые силы еще гуще окрасили ее алые щеки? Как могут шелковистые пряди переливаться так волосок к волоску, словно их сбрызнули золотом? Или в такие минуты природа словно говорит мужчине: «Смотри, какую красоту дарю тебе! Не забывай!»

— Рия, помнишь, что сказал тогда твой брат?

Кажется, девушка взяла себя в руки, ответила спокойно, словно давала совет:

— А что брат?.. Надо поговорить с мамой...

Они не смогли больше ничего сказать друг другу — Рия увидела, что брат идет в их сторону, и, захватив полные ведра, пошла к дому. Но, сделав пару шагов, остановилась:

— Я скоро уеду.

— Куда? — по-настоящему испугался Арсен.

— В Москву. Каникулы заканчиваются.

Эти слова Арсен понял как «поторопись».

Через неделю они сыграли свадьбу. Рия перевелась из Москвы в Чебоксары, в местный университет.

Арсен, привыкший все мерить по своей мерке (что уж тут говорить — до сих пор у него была не одна женщина), удивлялся, как в этом мире, который, казалось, обезумел в поисках наслаждений и чувственных утех, его жена сохранила самое прелестное и трогательное — стыдливость. Стеснительности Рии хватало не только на день, но и на ночные часы. Конечно, обыденная жизнь постепенно проявляет человека, ставит все на свое место, и тут многое зависит от того, с кем живешь, у иного перестаешь замечать и писаную красоту. А у Рии был ангел-хранитель — приветливость и терпение, это и сохраняло ее красоту. Арсену тогда было двадцать пять, и, наверное, непросто было быть женой начинающего писателя («опять рассказ не приняли», «опять нет денег»). В такие минуты молоденькая Рия держалась как терпеливая крестьянка.

Однажды у них в гостях был один поэт, и он вдруг ляпнул: «Если верно, что из двух любящих один любит сильнее, то из вас двоих, конечно, сильнее любит Рия». Арсен тогда возмутился: «Что ты знаешь о любви, что?»

Он влюбился в жену заново. Не так, как в первый раз, — тогда любовь обрушилась на него внезапно, как шквал, а сейчас она разгоралась исподволь, постепенно, пока не ошеломила его неведомой доселе нежностью. Да, если вначале это скорее была любовная горячка, страсть, то сейчас из души Арсена сочилась бесконечная нежность — вот оно, истинное чувство! Он хорошо помнит, как все началось. Кажется, прошло полгода, как они поженились. Однажды под вечер Арсен, корпевший над рукописью, поднял голову, почувствовав, что в

комнате стоит необыкновенная тишина — или это ангел пролетел? Рия, сидевшая возле окна с каким-то учебником, давно забыла про книгу.

— Рия, — окликнул Арсен, — о чем ты задумалась?

— Я думаю о тебе, — ответила она тихо. Сейчас она казалась измученной девочкой, молящей о помощи. — Я всегда думаю о тебе: и дома, и в транспорте, и в университете. Даже когда мы расстаемся ненадолго, у меня начинает болеть сердце. Я не люблю, когда ты уходишь, люблю только, когда идешь навстречу.

Рия напоминала яблоню, согнувшуюся под непомерной тяжестью цветов — и вправду, нелегко, наверное, выдерживать бело-розовую громаду. Арсену стало жаль ее, он чуть было не сказал: «Не надо любить меня так». Он подошел к жене, погладил по голове. Именно этот миг — словно звуки скрипки, задевшие потаенные уголки души! — стал началом его любви. Волшебные звуки, появившиеся тогда, больше не умолкали, хотя звучали в повседневной суете не всегда отчетливо, но их присутствие ощущалось, и в любой момент они были готовы зазвучать во всю мощь.

...Как-то они были в гостях. Да, Арсен нравится женщинам, они сразу окружают его, где бы он ни появился. Тогда он тоже разговаривал с одной из таких «безумно влюбленных в рассказы Арсения Марова» и вдруг заметил, как побледнела жена. Он подошел к ней, тихо спросил: «Рия, что с тобой?» «Когда ты долго с кем-то говоришь, мне кажется, что ты забыл про меня, и я начинаю задыхаться», — сказала Рия. Сказала без обиды, без злости — как чувствовала, так и ответила. Если бы не спросил, и вовсе бы промолчала. Арсен, помнится, перепугался — да разве можно так сразу, как на духу, выкладывать самое сокровенное? Неужели нельзя хоть немного укрыться, защититься себя? Ведь у всякого живого существа есть скорлупка ли, кокон ли, панцирь ли — не только у тех, что живут на солнце или на ветру, даже у корней в земле есть кора, которая их защищает! «Если родится дочь, сам буду учить ее, пусть не будет такой хрупкой, беззащитной, как мать!» — решил Арсен. Он понял, что Рие надо помочь, как помогают яблоне, согнувшейся под тяжестью цветов, — ставят подпорку. Слова жены запали в душу, Арсен не забывал их, и в гостях, и на людях искал глазами Рию. Две пары глаз встречались, и Рия озарялась улыбкой. Улыбка была чудесная: любящая, благодарная...

...В другой раз он тоже испугался. Весной случилась грачиная метель: на распутившиеся почки выпал снег, задул пронизывающий ветер. Арсен возвращался с работы. Подходя к дому привычно взглянул на свои окна и остановился: Рия мыла окна. Ее желтый платочек в оконном проеме верхнего этажа показался нежным золотым лучом посреди слякотной метели. Хмарь, стелющаяся по земле вслед за Арсеном, вдруг завертелась, закружилась и столбом взмыла вверх. Арсен, переполошившись, бегом вбежал к себе: «Рия, больше никогда не мой окна!» — «Что ты говоришь, Арсен? Окна надо мыть как можно чаще», — засмеялась Рия. — «Ты только скажи, я сам помою». — «Что

с тобой, Арсен?» — удивилась жена. Арсен попытался скрыть свой испуг, отшутиться: «Мы живем там, где ночуют ветра. Вдруг налетит вихрь, когда ты будешь мыть окна, и унесет тебя? А я останусь один». — «Ты жди, я прилечу обратно». Арсен сразу принялся за дело. Должно быть, Рие показалось очень забавным, что муж моет окна: «Арсен, ты еще фартук повяжи!», «Арсен, а про платок забыл?» — смеялась она, смеялась и сияла. «Вот попадешься, будешь знать, как насмешничать!» — предупредил Арсен и, едва домыл окна, помчался вдогонку звонкому смеху, настиг жену в соседней комнате: «Беру в плен! теперь не вырвешься!» Рия только что заливалась счастливым смехом, а тут вдруг затихла в объятиях мужа, прошептала еле слышно: «Если я вырвусь из твоего плена, то умру»... Как, ну как можно так говорить?! Арсен понес ее — голос скрипки, цветок шиповника — на постель... Время непостоянно не только в космосе, но и на земле: то замедляет свой ход, то мчится как на крыльях. Дети природы, душой и телом жаждущие друг друга, их сладостный шепот... Истинная цена таких мгновений — вечность. В чисто вымытых окнах, казалось, не было стекол, и верхушки деревьев согнулись под шапками снега прямо в их комнате...

Он влюбился в жену до беспамятства...

...В душном номере раздался протяжный стон. Весь взмокший, Арсен наконец догадался, что надо открыть окно, и распахнул его настежь. Донесся ровный гул моря. Свое счастье он погубил собственными руками...

Арсен с коллегой шли в редакцию. По пути им встретилась девушка-танцовщица, бывшая невеста Арсена. Они шумно поприветствовали друг друга, остановились. Начались обычные в таких случаях колкости да шуточки. Девушка напропалую кокетничала, играла телом. Арсен был немногословен, пока они несли легковесный вздор, стоял потрясенный, напуганный: неужели он собирался на ней жениться — она же чужая, чужая! Благодарение Богу, что отвел беду. Он хотел поскорее попрощаться и уйти, но та настойчиво приглашала к себе: «Мне надо поговорить с тобой, посоветоваться». Может, ей и вправду нужна помощь? Если у нее и есть на уме что другое, то Арсену не приходится сомневаться — он познал любовь, он любит. Но разбирало и любопытство: на какие уловки пойдет эта женщина, если решит его завлечь? Ему, как писателю, не мешало бы это знать. И он пошел с ней. Раньше, заходя в этот дом, он всегда закрывал дверь на ключ. Сейчас это даже не пришло в голову. Казалось, женщина совсем забыла, что собиралась посоветоваться, сходу затеяла прежнюю игру: «Ой, как я устала!» — прислонилась в спинке дивана; «Ой, жарница!» — расстегнула верхнюю пуговичку... Ее выходки казались теперь Арсену нелепыми, жалкими. В свое время Арсена тоже покорило в омуте страсти: он впадал в неистовую горячку, даже находил в этом удовольствие, удовольствие с привкусом пустоты, но миновал чувственную тропу, вступил в солнечную страну, где звуки скрипки, запах

шиповника и радость, наслаждение, грусть. Там всего очень много, потому что там живет любовь...

Женщина взъерошила ему волосы, расстегнула пуговицы на его рубашке. «Зря стараешься», — думал мужчина, вон у него и руки не дрожат, и сердце не колотится. Надо было встать и уйти, но он медлил, ему хотелось знать, насколько она проницательна: неужели не чувствует, что безразлична Арсену? Или так уверена в себе? Как можно не понимать: фальшивые ухищрения действуют только, когда душа пуста... Хозяйка скинула платье. Ничего не скажешь, хороша. Но Арсена, познавшего истинную красоту, этим уже не покоришь. Надо уходить. Попрощаться, чтобы не обидеть, и уйти. Арсен не успел подняться с дивана, как женщина повисла у него на шее...

Нет, такие жуткие моменты писатель придумать не в силах: то, что в комнату вошла Рия, Арсен посчитал за кошмарный сон. Рия стоит, смотрит на них. Смотрит, не отрывая взгляда. Так глядят маленькие дети: открыто, не стесняясь, потому что многого не понимают. Рия тоже, кажется, сначала ничего не понимала, смотрела на мужа как на незнакомца, потом, должно быть, «узнала», ее лицо стало землистого цвета. «Этого не может быть, это — сон, кошмарный сон», — Арсен все еще пытался спастись. Рия перевела взгляд на женщину. Та не выдержала, подобрала с пола платье, ушла в соседнюю комнату. Значит, не сон... Арсен поднялся.

— Рия, — выдохнул он. — Рия...

Из ее рук выпала какая-то бумажка. Рия на ощупь, будто слепая, отыскала дверь, ушла. Бумажка оказалась телеграммой: из деревни сообщали страшную весть — умерла Валя, сестра Арсена, которая была старше его на два года. У сестры было слабое сердце, но Арсен никогда не мог подумать, что все так обернется.

Пока бежал домой, он обо всем догадался: Рия получила телеграмму, пришла к нему на работу, приятель сказал, где Арсен, и она оказалась в этом доме.

Мы всегда знаем, кто любит нас по-настоящему. Арсен тоже знал: на этом белом свете, кроме отца с матерью, его любили сестра Валя и Рия. Как они были дружны! Обычно не особо разговорчивые, встречаясь, они болтали без умолку. Однажды Арсен спросил Рию: «О чем это вы без конца разговариваете?» И жена ответила: «Мы всегда говорим о тебе. Я выпытываю у нее, каким ты был в детстве, она расспрашивает, как мы живем». Мир опустел в один миг: если одну приходится хоронить, спасти бы хотя бы Рию...

Жена была дома.

— Рия, — робко позвал Арсен. Он жалел сейчас не только Рию, жалел весь мир. — Рия, ты не подумай ничего...

— Арсен, — тихо ответила жена, — сейчас у меня нет сил, давай поговорим после похорон.

То, что у нее нет сил, было видно с первого взгляда. Но она собрала

все необходимое в дорогу, сказала, что купить, чтобы не ехать в деревню с пустыми руками.

В дороге они немного поговорили о Вале. Арсену тоже было тяжело, тяжело неимоверно. А Рия уже после нескольких слов начинала задыхаться, словно ей не хватало воздуха.

На похоронах Рия плакала навзрыд. Арсену казалось, что она плачет не только по Вале, а оплакивает все несовершенство мира: предательство, ложь, обман... «Рия, родная, нам бы только выдержать, только бы выдержать», — молился он про себя.

Перед тем, как уехать из деревни, Рия вымыла полы. Скребла, драила так, что старые доски засияли, будто только что выструганные.

Как только они вышли из деревни, у Рии из носа пошла кровь. Арсен хотел вернуться обратно, но жена не согласилась: «Нет, мы поедем». Они присели прямо на пыльную обочину. Запрокинув голову, Рия зажала нос пальцами; муж суетился вокруг, но она не разрешила помочь: «Нет, нет, я сама». Нащупала свободной рукой сумочку, вытащила большой головной платок, зажала им нос.

Они сидели долго. Как только Рия попыталась встать, кровь начала течь еще сильнее.

Хотя родная деревня была рядом, Арсену вдруг показалось, что он попал в чужие места. Поле впереди себя он даже не узнал — что за темно-коричневые валки тут лежат? Он сидел, теряясь в догадках, ему непременно нужно было понять, что это такое, иначе он не сможет двинуться в путь. И все-таки вспомнил: несколько дней назад, когда они приехали в деревню, здесь гудела пчелами, колыхалась багряно-алыми цветами медуница. Ее скосили, она сначала попала под проливной ливень, затем ее опалил зной, и теперь лежат на земле потемневшие валки...

В автобусе, на полпути к дому у Рии опять пошла кровь. Текла так сильно, что водитель хотел высадить их возле ближайшего медпункта, но Рия настояла на своем: «Нет, нет, пройдет, мы поедем с вами». Она вся выпачкалась в крови, платье спереди даже покрылось корочкой.

Домой добрались уже вечером. «Я хочу спать, смертельно хочу спать», — сказала Рия, едва они вошли в квартиру. Искупалась, меняла постельное белье, надела свежую рубашку, сказала мужу, чтобы ложился отдельно, и, едва коснувшись головой подушки, уснула.

Арсен лег на пол. Он всю ночь не сомкнул глаз. «Не спи, даже если хочется спать. Будь настороже», — шептали бродившие по комнате тени. Временами ему казалось, что Рия не дышит. Он вставал, наклонялся к жене, прислушивался к ее дыханию. У Рии начался жар. Арсен мочил полотенце, клал ей на лоб. Раза два у нее вновь пошла было кровь, но совсем по чуть-чуть, всего несколько капель. Потом ее стал бить озноб, на лбу — Арсену почему-то показалось, что он из белого стекла, — выступил холодный пот. Рия как легла, так и спала, не шелохнувшись; чтобы не затекло тело, Арсен осторожно повернул ее на другой бок.

Рия спала, не просыпаясь, целые сутки. На следующий день, бли-

же к вечеру, она проснулась, села в постели и пристально, изучающе посмотрела на мужа:

— Кто ты?

Арсен никогда еще в жизни так не пугался: должно быть, как раз тогда у него появилась первая седина.

— Рия...

— Кто ты?

Арсену показалось, что пришел судный день: оказывается, на страшном суде вопросы задают спокойно, без тени пристрастия, просто чтобы узнать правду.

— Кто ты?

— Рия!.. Что ты говоришь, я...

Все же надо, надо знать, кто ты такой. Казалось, говорит не человек, а всевидящий ангел в белой рубашке, перепачканной каплями крови. Что можно ответить на этот вопрос?

— Я не знаю тебя, — сказала Рия. — Уходи.

Что оставалось Арсену? Вызвать «скорую помощь» и отправить жену в сумасшедший дом? Хорошо, догадался — позвонил в Москву Борису. «Никуда не отпускай, сейчас же еду в аэропорт, через несколько часов буду в Чебоксарах. Передай Рие, чтобы ждала меня», — сказал он. Услышав про брата, Рия обрадовалась: «Брат приедет, брат! Я уеду с ним!» Она вытащила чемодан, аккуратно сложила вещи. И, молча, не шелохнувшись, просидела возле окна несколько часов — она теперь напоминала маленькую девочку, поджидающую родителей.

Когда приехал Борис, она выбежала навстречу, обняла: «Уедем скорее! Я не могу здесь жить!» Брат успокоил ее: «Вот поговорим и сразу поедем!» — «С кем ты хочешь поговорить?» — «Вот с ним», — показал на Арсена Борис. Рия еще раз — в последний раз — взглянула на того, кто был ее мужем: «Этот человек даже не знает, кто он».

Да, точнее не скажешь: Арсен уже не понимал ни кто он, ни что он натворил...

Арсен и Борис говорили долго, закрывшись: доктору надо было знать все. Потом? Потом они уехали. Рия даже не разрешила проводить: «Пусть этот человек не идет с нами». Арсен остался — как рыба, выброшенная из воды, как трава, вырванная с корнем. Тогда не было ни часа, ни мгновения, когда бы он не думал о Рие, без конца звонил в Москву. Через несколько месяцев Борис прислал подробное письмо, решившее судьбу Арсена: «Сейчас все нормально. Рия не помнит только тебя, только то, что связано с тобой. Должно быть, увидеть тебя с той женщиной для нее было равнозначно смерти, но молодой организм не захотел погибнуть, постарался выжить хотя бы ценой того, что «умервил» часть себя, отторг все, что связано с тобой, и тем самым спасся. Никогда не попадайся Рие на глаза, не вздумай встречаться с ней. Только так она может спастись». Чтобы завершить дела сестры — перевести учиться обратно в Москву, оформить развод с Арсеном, Борис сам приезжал в Чебоксары.

Значит, в этом мире для Рии как бы нет Арсена, он для нее не существует. Зачем тогда этот мир нужен Арсену? Для чего ему жить? Для чего жить человеку, у которого не осталось и капли надежды, которому нельзя даже мечтать? Он начал пить и пил беспробудно. Но и за выпивкой душа не находила покоя: боль не отпускала его. Поехать бы в Москву, отыскать институт, где учится Рия. Арсен проводил бы там дни и ночи, ждал, чтобы хоть одним глазом увидеть, как ступает Рия, увидеть ее улыбку, волосы, на которых словно рассыпаны полные пригоршни золота... И больше ничего ему в жизни не надо... Но он побоялся — побоялся, что Рия почувствует волны любви, волны тоски, придет в смятение. Невозможно жить с такой болью в душе, но наложить на себя руки он тоже не может. В детстве от одной богомольной женщины он слышал, что жизнь — это божий дар, самый бесценный дар, какой только может быть, а самоубийство — это как швырнуть этот дар обратно: «Забери, он мне не нужен!». А кто такой Арсен, чтобы посметь вернуть Богу дарованное им? Земляной червь — не более. Достаточно того, что сгубил ниспосланное Богом счастье. Не можешь умереть — живи. Хоть по-собачьи.

Он женился еще раз. Не на танцовщице (Арсен если и вспоминал о ней, то с содроганием, та тоже, едва завидев его, торопилась пройти стороной), женился на другой. Бывают ведь такие женщины: всегда все знают, все должно быть так, как они хотят, все должны поступать так, как они считают нужным. Они деятельные, энергичные, сразу принимаются выводить мужа в люди. Из кого-то, может, и получается лепить как из теста, но Арсен не из таких. Перед свадьбой сказал ей так, что откровеннее и невозможно: «Почему ты выходишь за меня? Я не говорил, что люблю тебя». Она засмеялась (значит, верила в свои силы!): «Еще скажешь». — «А если нет?» — «Скажешь». Но она так и не дождалась этих слов. Хотя в остальном все идет так, как она задумала: Арсен не пьет, не интересуется женщинами, много работает, они живут в достатке, но самого важного, самого дорогого в жизни слова она так и не услышала. Как-то в очередной раз поскандалили, и она крикнула исступленно: «Знаю, знаю, кого ты любишь!» Во время ссор она не умела сдерживать себя, но тогда, то ли испугавшись изменившегося лица мужа, то ли собственных слов, которые ей хотелось добавить, вдруг осеклась, расплакалась. Надо бы пожалеть ее. Но нет. Когда сам не любишь, невозможно понять чужую любовь. «Хорошо, что знаешь», — только и сказал он. Оказывается, когда живешь с нелюбимой женщиной, все раздражает, даже если нет никаких причин. Ему все время хочется одного: выкинуть из окна все, что есть в квартире, и разбросать в пустых комнатах охапки цветущего шиповника... Когда-нибудь он так и сделает.

...Что теперь делать? Надо ехать обратно, вернее, бежать. Кажется, он мечтал завершить рассказ? Какой рассказ?! Вместо слов, надуманных красотей там должен быть один сплошной вой! Пусть заплутавший, потерянный ветер несется над снежным полем! Нет, не так.

Наследие

Снежное поле бывает уютным, обжитым, на снегу могут остаться следы зверей и зверюшек, или встретится сухая былинка, а следы — это жизнь; здесь же не должно быть ничего, пусть одиноко, монотонно завывает ветер над голым обледенелым пространством, пусть человек, не выдержав этого жуткого воя, зажмет руками уши...

Коли уж приехал, надо хотя бы увидеть море, потом пойти за билетом.

Арсен вышел на улицу. Беззвучно струится с небес солнечный свет, а ему кажется, что сыплются горящие угольки.

Когда сидишь в маленькой комнате, тоска давит камнем, а здесь, на просторе, ему на какой-то миг стало легче, словно спрессованные в нем страдания рассеялись в пространстве, но потом, проникнув во все, что есть вокруг, они навалились с новой силой. Арсен, вымученно сидевший под «грибком», громко застонал. Море шумит. Сияет раскаленная высь. Наверху — огонь, внизу — вода. Возле вечного моря загорают временные земные пришельцы — люди.

Рия тоже должна быть здесь. Коли уж так вышло, Арсен еще раз, хотя бы издалека, посмотрит на нее и быстрее уйдет, убежит. Рию не надо искать по всему пляжу, Арсен легко вычислит, где она может быть. Конечно же, Рия выберет место попустынное, скорее всего рядом с деревом, ее не привлекают ни те, кто азартно бьет по мячу, ни те, кто ведет шумные разговоры. Пока прикидывал, где могла быть Рия, Арсен даже немного отдохнул душой, боль словно немного отпустила, но увидев, что там, где должна быть Рия, никого нет, он удивился: она должна быть именно здесь! Еще раз, не спеша, проследил про себя Риин путь, и сердце вдруг размякло, захотелось плакать: «Благодарю, о Боже, что сжалился надо мной, позволил еще раз взглянуть на любимую!» Рия как раз пришла на «свое место» и снимала халатик...

Рия постелила на песок покрывало, легла, и ее не стало видно. Арсен чувствовал себя счастливейшим из счастливых: Рия — есть, Рия — на этой земле, Рия — совсем рядом... Может, ему достаточно за целую вечность один раз увидеть Рию? Может, так тоже можно прожить? «Нет, не сможешь!» — кольнуло сердце, в глазах потемнело... Надо идти. Разузнать про билет. Арсен поднялся и, конечно, посмотрел туда, где лежала Рия... Рядом с ней был мужчина! Арсен растерялся — ему в голову не приходило, что Рия может быть не одна! Действительно, она давно могла выйти замуж! Это жених или муж? Должно быть, у нее полно поклонников. Раньше, когда они еще жили вместе, встречные мужчины частенько оборачивались ей вслед.

Мужчина направился в его сторону. Высокий. «Верзила!» — обозлился про себя Арсен. Мужчина зашел в кафе на набережной и вскоре вышел оттуда с двумя полными стаканами на бумажных блюдечках, зашагал обратно, к Рие. Похоже, он был из тех, кто нравится женщинам. Теперь Арсен пожалел Рию: «Зачем тебе красавчики? Неужели до сих пор не поняла их?» А вдруг это муж? Счастлива, должно быть. Еще бы не счастлива: Рие легко быть счастливой, она пережила один

раз и больше ничего не помнит. Арсен — помнит. Ему — мучиться, пока жив. Нет, ему здесь нечего делать. Надо уезжать.

Он решил уехать завтра утром. Теперь у него ничего не болело, он ни о чем не думал. От человека осталась одна видимость, внутри ничего нет, только пустота. Может, и кровь застыла? Вот и хорошо. Арсен даже поспал.

Потом, после ужина, устроился в вестибюле нижнего этажа смотреть телевизор. Двое мужчин, сидевших близко от него, негромко переговаривались. «Самая красивая в Доме творчества», — сказал один. И тут в совершенно подавленного, изможденного человека, казалось, вселился животворный дух. О ком могут говорить здешние мужчины? Арсен знает это куда лучше них самих. «Я знаю ее, — сказал другой. — Валерия, Рия Авдеева. Работает в нашем журнале, хороший редактор». — «Пожалуйста, познакомь». — «Даже не думай, все равно ничего не выйдет». Арсен разозлился: «Нет, мы все вконец испорчены, сразу: «выйдет — не выйдет...»

Пустых мест было много, но Рия... села рядом с Арсеном. Арсен не шелохнулся, не повернул головы, но видел ее всю — губы, волосы, локти, розовое платье, вышитое розовым, и в его душе зазвучал голос скрипки, оборванный семь лет назад. Ниспосланные на его голову муки обрушились еще ожесточеннее: «Кажется, ты даже отдохнул, но довольно, тебе не следует забываться». Если бы вокруг никого не было, Арсен, наверное, зарыдал бы в голос. Пошатываясь, он поднялся, вышел на воздух. Ему хотелось спрятаться, исчезнуть, раствориться... Но не успел спуститься по лестнице, как его догнала Рия.

— Вам плохо? — В ее голосе неприкрытое беспокойство.

Если быть откровенным, следовало сказать: «умираю». Он ответил спокойно:

— Нет, все в порядке.

Они пошли рядом.

— Вы из Чувашии? — спросила Рия.

«Началось! — пронеслось у него в голове. — Но что началось, что? Суд? А разве не начался он давным-давно?»

— Из Чувашии, — Арсен не узнал собственного голоса: словно изпод земли!

— Я так и подумала, — засмеялась Рия. — Чувашей я сразу узнаю. У них в глазах какой-то свет.

— Какой свет?

— Кроткий, ласковый. Вы из самих Чебоксар?

— Да.

Бог с умом устроил этот мир. Как повезло грешнику, что время от времени солнце уходит, наступает темная ночь: иначе как бы он при свете, при солнце совершал свои сомнительные дела, как бы поворачивался его язык выговаривать явные нелепости?

— Вам приходилось бывать там? — спросил ничтожнейший из людей, пуще всего боявшийся солнца, его света.

— Я хорошо знаю этот город, — спокойно ответила Рия.

«Помнит ли она дом, где мы жили?» — с ужасом подумал человек, любящий заглядывать в омут (если обычно людям свойственно обходить такие места, этот всегда норовит заглянуть на самое дно).

— Знаете Чебоксары? А какая улица будет справа после Большого моста?

— Перейдешь Большой мост и минуты три поднимаешься в гору, потом по деревянной лестнице спускаешься вниз. Дальше идет настоящая деревенская улочка. Возле дороги дом с тремя окнами, обшитый досками и выкрашенный темно-зеленой краской, а веранда покрашена в светло-зеленый цвет. В чердачное окно вставлены разноцветные стекла. Перед домом растут два клена, у одного листья на нижних ветках с багряными прожилками. Соседний дом немного отступает от дороги. Дом крыт железом, но то ли его не хватило, и в одном месте покрыли щепой. Под окнами растут мальвы, они цветут все лето, последние цветы увядают уже когда выпадает снег...

Они шли по аллее, и дошли до фонаря. Скорее, скорее пройти его, убежать от света, пока Рия не заговорила о третьем по счету доме — доме, в котором они одно время снимали комнату.

— А рядом — пустырь, — сказала Рия. Она произнесла эти слова как ни в чем не бывало, а для него они были самыми страшными из тех, которые он когда-либо слышал. Арсен уже не понимал, что говорила Рия. Он кое-как пришел в себя и попытался пошутить: это было скорее из желания выиграть время перед следующим страшным вопросом.

— Допустим, старинные улицы вы знаете, а новые? Например, Университетскую? — спросил Арсен. И почувствовал себя преступником: именно на этой улице рассеклось их прошлое и будущее.

— Я сначала училась там в университете, потом переехала к брату в Москву, — продолжала Рия. — Университет расположен в поле, напротив рощи. А если пройти немного дальше, начинаются новые дома.

— Что за дома?

— Кирпичные девятиэтажки. Первый дом такой длинный. Возле него всегда пахнет теплым хлебом. Дальше — пустырь...

«Пустырь...» Значит, место, где они жили, где и сегодня живет Арсен, — пустое, Арсена — нет. Но все же живому хочется быть среди живых!

— В нашем городе вроде нет пустырей? — Арсен словно умолял пожалеть его.

— Может, там собираются построить новый дом? — задумалась Рия.

Арсен совершенно обессилел — от счастья (любимая женщина рядом!), от того, что одновременно чувствовал себя глубоко несчастным (он для Рии — пустое место!).

Пусть этот вечер будет темным, кромешно-темным; если уж говорить — то сказать все. Повернув как-то разговор, Арсен, хоть и готов

был провалиться под землю, рассказал, что у него семья, узнал, что Рия не замужем, и — вконец разбитый, изможденный — повернул назад. Перед тем, как расстаться, они остановились возле ярко-красного куста. Этот куст еще днем насторожил Арсена, он не стал к нему приближаться. А Рия, кажется, так и уткнулась лицом в ветки. Женщина есть женщина, спросила Арсена:

— Откуда вы меня знаете? Днем вы называли меня по имени...

Арсена спасло то, что он слышал разговор отдыхающих.

— Я приносил рассказ в московский журнал. Там и увидел вас. Даже имя запомнил.

— А я не помню.

Арсен сказал так страшно, что страшнее не бывает:

— Может, и видели, да забыли.

— Нет, вас бы я не забыла, — ответила Рия тихо и печально.

Арсен не спал всю ночь. Не потому, что думал. Что тут думать? На душе пусто. Действительно, он — ничто, он — пустое место. Ему всю ночь казалось, что за окном идет проливной дождь. Он выходил на балкон — сухо, вытягивал руки — ни капли. А заходил обратно и снова слышал шум дождя. Так и ходил — на балкон и обратно. На балкон и обратно... Дождя не было. Шум дождя — был. Тогда Арсен растянулся на постели и больше не шелохнулся, лежал в темной комнате, уставившись в потолок. Обманчивый шум дождя не умолкал.

Автобус уходит в аэропорт в семь часов. Времени еще предостаточно. Арсен вышел из здания, погруженного в сладкий сон, постоял и наконец-то понял, что за «дождь» шел ночью: это шелестели листья винограда. Еще доносится рокот моря. Хорошо морю — никогда ничего не скрывает, не таит в себе: хочет — бушует, беснуется, хочет — ласкается, и все у него на виду, так как есть, а человеку надо терпеть, держать все в себе, даже если душа плачет навзрыд.

Мимо незнакомых деревьев Арсен пошел на этот величавый рокот и стон. В груди по-прежнему была пустота, но шаги его были тяжелые, грузные. Он вышел на открытое место и застыл на месте. Возле моря стояла женщина в белом плаще... «Рия!» Если любимая здесь, если ты тоже оказался здесь, если Бог послал вам эту встречу — зачем, зачем убегать? Он больше никогда не будет клясть свою судьбу, он всегда будет считать себя счастливым человеком — за эту встречу, за то, что ему суждено еще раз посмотреть в ее глаза, услышать ее голос. «Жизнь моя!» Рия словно услышала беззвучный шепот Арсена, повернулась к нему. Стоит — словно забыла, что позади бушует море. Вот легкая негромкая волна не спеша дошла до берега и стала подниматься выше и выше, но до того, как сине-зеленая водяная глыба обрушилась на Рию, Арсен подскочил и, схватив ее за плечи, притянул к себе.

— Рия, Рия... — задохнулся он. — Рия, скажи, ты ждала меня?

— Тебя.

— Рия, ты ничего не знаешь...

— Я знаю все.

Наследие

— Что — все?

— Что мы рождены друг для друга. Я полюбила тебя сразу, как увидела. Если бы ты не пришел, я бы умерла.

Мужчина и женщина закатали брюки и босиком идут по кромке моря на восток, за солнцем. Они смеются, шепчутся, обнимаются, нежно ласкаются друг к другу. Их удивляет все — и свежий ветерок, и камешки под ногами, и облака, клубящиеся над вершиной горы.

Они отыскиали солнце, повернули обратно. Женщина остановилась у тропинки, у дерева с мелкими черными ягодами.

— Каждый раз, когда прохожу здесь, мне хочется попробовать эти ягоды. Но боюсь — вдруг они ядовитые, умрешь.

— Не бойся, мы попробуем вместе, — спокойно, без тени сомнения сказал мужчина, а про себя отчаянно взмолился: «Боже, помоги нам!»

Женщина не спеша набрала ягоды в ладошку. Они стояли молча, смакуя необычные ягоды. Оказалось, у них осталась одна оболочка, вся мякоть превратилась в настоящее вино. На верхушке дерева, среди ягодных гроздьев, сидела птичка и, не отрывая глаз, смотрела, чем занимаются дочь и сын человеческие.

— Встретимся здесь через два часа? — сказала женщина.

— Хорошо. Почему через два?

— Тогда все станет ясно.

Арсен пришел к дереву пораньше. Та птичка сидит на прежнем месте, смотрит округлыми глазами вокруг себя, как страж. Увидев, что Арсен пришел один, она всполошилась, покрутила головой, словно говоря: «Почему ты один? Вас должно быть двое». Арсен был спокоен. И еще счастлив, взволнован. Будто пришел на первое свидание. Сердце седовласого мужчины колотилось: придет — не придет? «Родная, — обратился он к птичке (она не может не понимать человеческую речь!), — скоро ли придет моя любовь, моя жизнь?»

Между листьев мелькнуло белое платье.

— Рия!

Рия звонко рассмеялась, она сейчас — сама радость, сама красота. Арсену захотелось подурочиться. Он сделал задумчивое лицо, с надменным видом пошел ей навстречу.

— Простите за беспокойство. Вы не подскажете: эти ягоды съедобны?

— Ой, что вы! К ним лучше не притрагиваться! Они ядовитые.

— Ошибаетесь, это плоды бессмертия! — сказал Арсен, и они, счастливые, словно дети, не выдержали, рассмеялись громко, побежали по обжигающему белому песку к морю, взявшись за руки.

Они не стали раздеваться, только скинули обувь. Арсен лег спиной на горячий песок, Рия накрыла его глаза своими ладошками. Какое блаженство!

— Рия!..

Арсен приподнялся и сел. И удивился: «Сколько лет я не видел неба!» Да, безбрежность неба можно заметить только в открытом поле

или на берегу моря. Чтобы летала душа, самому надо быть свободным, крылатым. Небо пугает своим величием. Все сущее, что есть, что может существовать — находится на земле, но свои вопросы человек задает небу, молится на небо, стремится оправдаться перед небом.

Из-за гор выплыли три облака. Небо — чистое, ясное, нигде ни облачка, а этим трем, видимо, непременно надо было явиться миру. О чем можно сообщить ему сегодня? Только об одном...

— Рия, прочесть тебе, что написано на небе?

— Прочти.

— «Я люблю Рию».

Рия тоже «почитала». Потом еле слышно, словно было невоготу от счастья, прошептала Арсену на ухо:

— О том, как я люблю тебя, знает одна птичка.

— Та, что сторожит плоды бессмертия?

— Да. Как только мы встретились, она взлетела ввысь.

— Значит, это посланник неба?

— Да. Сейчас она летит над вторым облаком.

Двое, не отрывая глаз, смотрели, как второе облачко — на котором написано «люблю» — осветилось, слилось с остальными облаками и рассеялось в безбрежном просторе неба.

— Ах, Рия...

Надо было идти. Остаться наедине...

— Арбузы! Покупайте арбузы! Арбузы! — возле ворот Дома творчества грузный мужчина продает арбузы.

— Рия, возьмем арбуз?

— Возьмем. Только чтобы снаружи был зеленый-презеленый, а внутри — красный.

У продавца целый воз арбузов, и все на вид одинаковые: в бледную полоску.

— Послушай, браток, — заговорил с ним Арсен, — а что, у тебя только такие?

— Как это «только такие»? — начал горячиться продавец. — Ты знаешь, кто я?

— Знаю. У тебя лучшая бахча в мире.

— Хм-м... Послушай, зачем зеленый, у меня самый лучший.

— Твой завтра куплю. А сегодня нужен такой, чтобы снаружи зеленый, а внутри красный.

— А что за день сегодня такой?

— День, когда читают небесные письма.

— Какой-какой день? Я такого не слышал. Эй! — окликнул он приятеля, возившегося рядом с машиной, быстро-быстро сказал ему что-то, и оба завертели головами, посмотрели на небо. — Послушай, мой друг тоже не слышал про такой день. Ладно, завтра я буду ждать тебя на этом же месте. А ты сейчас езжай в Гагры, там на базаре есть все. За два-три часа обернешься.

— Рия, — сказал Арсен женщине, поджидавшей его на лестнице,

Наследие

— мне надо съездить. Вернусь часа через три, ты не беспокойся, жди меня у себя.

— Я сейчас же иду ждать тебя.

— Не сейчас! Если начнешь ждать сейчас, устанешь.

— Я терпеливая — начну ждать прямо сейчас. Знаешь... оказывается, я не люблю, когда ты уходишь, люблю только, когда идешь на встречу...

Эти слова Арсен уже слышал однажды...

Пока шел на автобусную остановку, Арсен попытался представить, что будет дальше. Перво-наперво он разведется с женой. Если она кричит со слезами: «Знаю, кого ты любишь!» — то, конечно, догадывается, по ком страдал муж все эти годы. Может, даже удастся развестись по-людски. На этот раз — впервые! — Арсен по-настоящему пожалел жену.

...Чтобы обойти на рынке продавцов арбузами, нужно полдня. Арсен поглядел по сторонам и напрямик направился к одному старику: тот, худой, черный, в выгоревшей гимнастерке, сидел возле кучи арбузов, как орел на вершине горы, он и голову поворачивал, как гордая птица.

— Отец, мне нужен арбуз.

— Выбирай любой, все спелые.

— Любой мне не нужен, надо, чтобы снаружи был зеленый, а внутри красный.

Старик выбрал ярко-зеленый арбуз:

— Держи!

— Вдруг неспелый?

— Если неспелый, принесешь обратно, поменяю.

— Менять нельзя. С первого раза должен быть самый спелый, самый сладкий.

Старик уставился на него.

— Отец, я семь лет не видел любимую жену.

— Ай-вай-вай! Как жил без нее?

— Как собака.

— Человеку нельзя жить как собака — грех. Арбуз для жены берешь?

— Для жены.

Старик отложил этот арбуз в сторонку и начал выбирать: бросит орлиный взгляд, схватит один, шлепнет его, зажмурится, словно прислушивается. Наконец он протянул Арсену прежний арбуз.

— Этот же хорош. Денег не надо.

Арсен обеими руками пожал жилистые руки старика. Тот засмеялся. Только сейчас Арсен понял: в «жарком» абхазском языке есть клетот гордого орла.

Как ни торопился Арсен, все же зашел в свой номер, помылся, надел свежую сорочку. И «взлетел» на Риин этаж.

— Один старик-орел благословил нас, — сказал он.

— А ты смог донести его? — тихо-тихо, шепотом спросила Рия.

— Вот, режь.

— Я боюсь. Режь сам, — ответила Рия. Ох уж эта женская слабость! «Я боюсь», «мне страшно», «у меня не хватит сил» — а так ли уж это на самом деле или просто игра, игра, которая ведется с первых дней сотворения мира, чтобы сделать мужчину сильнее, храбрее, чем он есть на самом деле... Но все же как хороша эта «слабость».

— Я боюсь. Режь сам, — Рия протянула нож.

Едва нож коснулся арбуза, он раскололся пополам, высыпались иссиня-черные семечки.

— Ах-х! — вскрикнула Рия, и мужчина с женщиной обнялись так, будто уже никогда не разомкнут руки.

Они никак не могли уснуть. Забудутся, прижмутся друг к другу, потом опять шепчутся — как листья, трепещущие под знойным ветром.

— Рия, ты кого-нибудь любила?

— Я люблю только тебя... Я всегда любила тебя, еще до того, как увидеть.

Перед рассветом Рия задремала, уже в полусне нашла руку Арсена, прижала к сердцу и изможденно уснула. Она и раньше так засыпала. У Арсена наконец-то потекли слезы, подступавшие со вчерашнего дня... Горячая слеза без остатка растворила камень, который долгие семь лет он носил в своем сердце.

Арсен решил не спать. Он хотел дождаться солнца. Лежал, прислушивался к дыханию Ри. Дышит ровно. Арсен почему-то потрогал ее лоб. В порядке. Арсен и сам не заметил, как задремал. Спал-то всего ничего, какое-то мгновение, а показалось, увидел сон длиною в жизнь, в целую вечность (или это вовсе не сон — явь?), увидел сон, в котором слились воедино все радости и тяготы жизни. Мир — цветущий шиповник. Бесконечный мир — бесконечный сад цветущего шиповника. Слаб человек, не выстоять ему перед его нежностью, его величием — Арсен застонал. И разум, который остается настороже во время самого крепкого сна, забился трепетно, отчаянно: «Нет, такой красоты мне больше никогда, никогда не увидеть!» В следующий миг сверкнула молния. Странная молния: не та, что сверкает в вольном пространстве природы, а та, что смотрит человеку в глаза, пристально наблюдает за ним одним в целом мире, прожигает насквозь. Арсен — в этот момент уже не человек, скорее пригоршня пепла — вздрогнул и проснулся: где Рия?!

Дверь раскрыта настежь. Комната наполнилась холодом.

Арсену показалось, что на полу остались глубокие следы, следы босых ног. Он, тоже босиком, спустился по этим следам (какие могут быть глубокие следы на мраморной лестнице, на каменистой тропинке, утопанной тысячами пар ног?!), по ним же направился к морю...

Море шумит. Стонет ветер...

Перевод с чувашского
Ирины МИТТА